

Joanna Mianowska

Россия и литература в сразу после войны Чеслава Милоша

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 1, 5-16

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Joanna Mianowska

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego
Bydgoszcz

РОССИЯ И ЛИТЕРАТУРА В СРАЗУ ПОСЛЕ ВОЙНЫ ЧЕСЛАВА МИЛОША

Ключевые слова: *эпистолярный жанр, комментарий, позиция автора*

Заглавие книги *Сразу после войны* заимствовано у Ежи Анджеевского, роман которого *Пепел и алмаз* был сначала озаглавлен именно так¹. В книге Нобелевского лауреата Чеслава Милоша *Предисловие* занимает важное место, ибо в нем Милош объясняет причины своего сотрудничества с польской властью того времени, как и свой позднейший выбор. Милош на первых страницах книги констатирует, что освобождение Польши от гитлеровской Германии поставило страну в зависимость от Москвы². Коммунисты, как он пишет, победили в меньшинстве, так как у них была своя программа. Нобелевский лауреат приводит слова Антония Слонимского (эмигранта до 1951 года), который во время пребывания в Вашингтоне в 1948 году сказал: «Слушай старого, умного еврея, сиди, как только можно будет долго сидеть за границей»³. И уже в 1945 г. Милош уехал в Америку в качестве консульского сотрудника. Америку он считал страной, утвердившей Ялтинское соглашение, и поэтому оставаться там не намеревался. Его колебания касались и Польши, в которой, как он писал, надежда на социализм без советизации была тщетной. Милош вспоминает вторжение советов в Вильнюс, свое бегство в Варшаву, в которой, как он пишет, «белые русские» в журнале (не называет его), печатаемом в Берлине, информировали читателей о советской системе, терроре, ГУЛАГе. В Варшаве, по словам Милоша, было тогда много людей, которые испытали уже на себе советскую власть во Львове, у них не было сомнений по поводу отношения к Катыни⁴. Милош называет и поляков, сотрудничавших в Польше с Красной Армией, а среди них – своего друга Ежи Путрамента, ставшего в Кракове редактором газеты „Dziennik Polski”, и Зосю Дембинскую, которая вместе с Ежи Борейшей (коммунистический деятель, как объясняет Милош в комментариях) организует издательство „Читальник”. По-види-

---

¹ С. Miłosz, *Zaraz po wojnie. Korespondencja z pisarzami 1945-1950*, Kraków 1998, с. 12.

² Там же, с. 5.

³ Там же, с. 6.

⁴ Там же, с. 8.

мому, Милош приводит такие сведения, чтобы оправдаться, ведь многие обвиняли его позже в сотрудничестве с коммунистами, о чем он сам пишет⁵. Однако важнее всего для Нобелевского лауреата была верность своему поэтическому ремеслу, а война погрузила поэзию в состояние регресса.

Милош считает, что сразу после войны он чаще выступал в роли публициста, а не поэта, что польское государство, создаваемое в 1944-1945 годы, было, как он считает, лишь фасадом, настоящая власть была в руках НКВД, а польской армией руководили российские офицеры⁶. В посольствах и консульских отделах этого вымышленного, по его словам, государства были заняты люди без необходимой квалификации. Однако стоит подчеркнуть, что Милош не был сторонником Запада и, как он считал, с Востоком Польшу объединяла все же общность страданий⁷. Милош пишет, что в тот период, к которому относятся письма друзей-писателей, существовала цензура, и некоторые темы вообще в переписке не затрагивались (исключение – переписка с супругами Кроньскими, проживавшими тогда в Париже)⁸. Эта оговорка важна и значима, ибо позволяет представить условия допустимой свободы переписки. Не случайно Нобелевский лауреат отмечает, что в письмах 1945-1950 годов важнее всего были рассуждения об издательствах и изданиях книг, журналов, о театрах, фильмах и, наконец, о восстановлении культуры в новой Польше. Анализируемая переписка представляет интерес не только благодаря личности получателя писем, но и их отправителей. Ежи Анджеевски, Ярослав Ивашкевич, Тадеуш Ружевиц, Рышард Матушевски и супруги Ирена и Тадеуш Юлиуш Кроньские и другие. Их письма Милошу – это ценный источник знаний о литературной и культурной жизни послевоенной Польши. В книгу вошли также письма Казимира Выки, Ежи Путрамента и одно письмо Юзефа Чапского, автора книги *На бесчеловечной земле*⁹.

Переписка с писателями, озаглавленная *Сразу после войны*, ценна и тем, что дает представление о периоде 1945-1950, наименее известном в исследовательском отношении – это годы работы Милоша в дипломатических представительствах Польши в США и Франции¹⁰. В 1951 году Милош остается на Западе¹¹. Свою позицию он охарактеризовал в тот период как «разрыв с правительством Польской Народной Республики»¹². Однако эмиграция отнеслась к этому факту отнюдь не доброжелательно и без доверия. Среди эмигрантов лишь Ежи Гедройц составил исключение, именно в его парижской „Культуре” долгое время издавался Милош¹³. Стоит отметить, что в книге *Автобиография на четыре руки* Е. Гедройц пишет о своем отношении к Милошу, его поэзии, оценке Советского Союза и сталинизма¹⁴. Редактор парижской „Культуры” показывает разногласия в политиче-

⁵ Там же, с. 9.

⁶ Там же, с. 11.

⁷ Там же, с. 12.

⁸ Там же, с. 13.

⁹ См.: J. Czapski, *Na nieludzkiej ziemi*, Kraków 2001.

¹⁰ K. Masłoń, *Nie uciec nam od losu* (Czesław Miłosz), на сайте: <http://niniwa2.cba.pl/maslon>

¹¹ На сайте: <http://www.milosz.pl/zyciorys1p.php>

¹² Там же.

¹³ <http://www.zgapa.pl/zgapedia>

¹⁴ J. Giedroyc, *Autobiografia na cztery ręce*, Warszawa 1994, с. 161-165 и др.

ских взглядах, в оценке Народной Польши, отделяя эту сторону деятельности Нобелевского лауреата от его писательской деятельности, высоко оцениваемой Гедройцем¹⁵. В Польше того времени Милош признавался изменником и осуждался не только Союзом польских литераторов, но и отдельными писателями: Я. Галчинским, М. Брандысом, Я. Ивашкевичем, А. Слонимским и другими. Все стало меняться после 1980 года и получения Милошем Нобелевской премии по литературе. В Энциклопедии *Лауреаты Нобелевской премии* Милош назван «одним из величайших польских поэтов», а его поэзия «... подкупает своим тематическим многообразием и интеллектуальным богатством»¹⁶. В своей Нобелевской лекции Милош обратился к политике и эмиграции: «Ссылка поэта – это следствие того положения, что захвативший власть в стране контролирует и язык этой страны, причем не только посредством цензуры, но и изменяя значения слов. И тогда долг писателя заключается в том, чтобы помнить. Память – это наша сила, те, кто жив, получают мандат от тех, кто умолк навсегда. Они могут выполнить свой долг, лишь называя вещи своими именами, освобождая прошлое от вымыслов и легенд»¹⁷.

Став эмигрантом, Милош не оставил творчества. Широкую известность принесла ему книга *Порабощенный разум (Zniewolony umysł)*, в которой он размышляет о влиянии тоталитаризма на личность художника слова¹⁸. Как сказано в одном из сайтов, *Порабощенный разум* – это подробный анализ исторических преобразований в Европе. Милош в нем оценивает людей и систему тоталитарной власти. Известный писатель Витольд Гомбрович считал, что в книге Милоша идет борьба не только за то, чтобы осудить Восток, но и за то, чтобы Западу донести и показать собственные переживания и знания о мире¹⁹. Збигнев Херберт сказал о Милоше в своем стихотворении *Ходасевич* – «раз марксист, раз католик»²⁰.

Обратимся, однако, к переписке Милоша *Сразу после войны*, когда он был еще польским гражданином и, вероятно, тогда не знал, что в 1970 году получит американское гражданство. Уже в ней, на наш взгляд, просвечивает авторская позиция. Милош в предисловии к книге *Сразу после войны* признается в своих колебаниях, нерешительности, противоречивости, что отразилось и в его поэзии, в *Нравственном трактате (Traktat moralny)* 1948 года и в его переписке с друзьями. После посещения Польши в 1949 году колебания, как он пишет, усилились, особенно при раздумьях о сталинизме и страданиях поляков²¹. В книге Милоша значительное место занимают комментарии, написанные им спустя годы. Они многое объясняют в переписке.

Особые отношения были у Милоша с Е. Анджеевским, автором *Пепла и алмаза*, у обоих были левые взгляды, оба стали членами социалистической партии

¹⁵ Там же, с. 163.

¹⁶ См.: *Лауреаты Нобелевской премии, энциклопедия*, Т. 2 – М-Я, пер. с англ., Москва 1992, с. 83-85.

¹⁷ Там же, с. 84-85.

¹⁸ На сайте: <http://www.milosz.pl/zyciorys>

¹⁹ На сайте: <http://www.niniwaw/cba/plmaslon>

²⁰ Там же.

²¹ С. Miłosz, *Zaraz po wojnie...*, с. 12.

«Свобода»²². Но потом судьбы сложились иначе. Стоит отметить, что в *Порабощенном разуме* появляется образ Анджеевского (Альф). Но когда друзья встретились в 1981 году в Пэн-клубе в Варшаве, они были уже чужими и лишь пожалели друг другу руки, в чем признается сам Милош²³. Но в 1946 году оба писали друг другу часто – о повседневности, изданиях книг, о журналах. В комментарии к письму Анджеевского Милошу (Краков, 19 апреля 1946 года) можно узнать, что в тот период не смогла выйти антология английской и американской поэзии, а политически обоснован был выход антологии русской поэзии²⁴. Милош в письме другу пишет: «Америка мне надоела, результаты моего здесь пребывания своеобразны»²⁵. О своей дипломатической службе отзывается в письмах без оптимизма и энтузиазма. Вывод один: для Милоша главное – это писательская деятельность. В письме от 18.18.1948 автор *Порабощенного разума* рассказывает о встрече с «советским спецом по литературе» (не называет его), который признался в том, что после войны в СССР не было написано ни одной хорошей книги с военной тематикой или актуальными проблемами (хорошая – он имел в виду такую, которая продержалась бы некоторое время)²⁶. В письме от сентября 1948 года Милош опять пишет об Америке, называя ее недостатки, а среди них – квартирные сложности, климат и глупых людей, хотя они хорошо воспитаны²⁷. Продолжая американскую тематику, Милош отмечает, что американцы «не покупают ничего, связанного с ужасами войны (исключение – все антисоветское)». Нобелевский лауреат вспоминает, что еще недавно здесь издавались советские книги, а американцы рыдали, растроганные отвагой и мужеством славян, ибо для них славяне – это Россия²⁸. Стоит отметить, что в переписке Милоша и Анджеевского преобладает все же тематика, связанная с повседневностью и издательской деятельностью обоих творцов слова. Они отдавали себе отчет в том, что их письма проходят цензуру.

Интерес представляет переписка Милоша с Ярославом Ивашкевичем. Отношение Милоша к своим собратям-писателям содержится в его комментариях. Рассуждая об Ивашкевиче, он скажет, что у человека с Востока (а таким в его глазах был Ивашкевич) не должно быть иллюзий по отношению к Советской России²⁹. Однако Милош многое Ивашкевичу прощает, оценивая его выше Юлиана Тувима, Марии Домбровской и ее мужа Станислава Стемповича. Вспоминая о стихотворении Ивашкевича о президенте Болеславе Беруте, Милош все же заявляет, что для него интерес представляют не недостатки, а положительные черты личности Ивашкевича³⁰. В начале 1948 г. в *Возрождении* Милош помещает статью о поэзии Ивашкевича, высоко оценивая стиль, эмоциональную окраску и связь с традицией польской поэзии. В 1954 г. Ивашкевич, мечтая о свободе, написал

²² Там же, с. 22.

²³ Там же, с. 24.

²⁴ Там же, с. 38.

²⁵ Там же, с. 52, пер. И.М.

²⁶ Там же, с. 68.

²⁷ Там же, с. 77.

²⁸ Там же, с. 80.

²⁹ Там же, с. 121.

³⁰ Там же, с. 125.

стихотворение *К НН* (отрывок *Трех январских поэм*), предназначенное Милошу. Милош сравнивает написанное Ивашкевичем с *Поэмой для изменника* Галчинского. Милош считал Ивашкевича, несмотря на сотрудничество того с властью (председатель Союза польских писателей, редактор журнала „Творчество” (1955-1980), и т.д.), «великой личностью», ибо «кита, как он писал, трудно не заметить»³¹. В письмах Милош обращается к своему собрату-писателю – «Коханы Ярославе» или «Дроги муй Ярославе» и «бардзо сердцу мэму милы Ярославе» и подписывает письмо всегда «Твуй Чеслав»³². Переписка друзей начинается 30.09.1945 и завершается 1949 годом. Появляются в ней и краткие сюжеты, связанные с Россией. Ивашкевич в письме Милошу от 1947 года заявляет, что после своего визита в Москву он очень хочет увидеть Америку и посмотреть, «как выглядит человечество будущего»³³. Хотя в тот период была уже цензура, Ивашкевич в письме Милошу от 3 апреля 1948 г. пишет, что в Лодзи «друзья марксисты превращаются в башню из слоновой кости, и даже красная краска этих башен начинает блекнуть»³⁴. Милош к письмам из Америки прилагает иногда газеты, к примеру, „Новы Свят” от 12 августа 1948 года, в котором не впервые появляется определение «берутовские слуги Москвы»³⁵. Надо объяснить, что в университете Колумбия в Нью-Йорке предполагалось открытие кафедры польской культуры им. А. Мицкевича. О ней в американской печати было много статей, в которых прослеживалась идея, что, якобы, Москва велела открыть эту кафедру, о чем и извещает Ивашкевича в своих письмах Милош, называя себя шутливо «поэтическим вдохновителем берутовщины Милосемм»³⁶. В прилагаемой газете появилась заметка, осуждающая славистику в Колумбийском университете за то, что благодаря ей делаются доступными русскоязычные, чешские и польские издания, вся пропагандистская литература берутовских учреждений, в том числе издаваемый в Нью-Йорке „Русский голос”, но не другие газеты и журналы, выходящие на русском языке. Редакция газеты „Новы Свят”, как вытекает из приложенного к письму Ивашкевичу материала, обвиняет в таком положении дел члена комиссии конгресса Эльжбету Т. Бентлей, которая стала коммунисткой еще будучи студенткой и в университете познакомилась с членами коммунистической ячейки, которые, как сказано в газетной статье, приобщили ее к «действию для Советов»³⁷. В другом месте этой газеты появляется определение «пропагандист красного фашизма» и «поэтический вдохновитель берутовщины Милось»³⁸. Во время пребывания Милоша в Польше в 1949 г. друзья не встретились, о чем свидетельствует письмо от 1 августа 1949 года, в котором Нобелевский лауреат пишет о том, что собирается прочесть несколько драм Шекспира в переводе Бориса Пастернака³⁹. Милош отправляет иногда в письмах своему другу

³¹ Там же, с. 133.

³² Там же, с. 135-225.

³³ Там же, с. 147.

³⁴ Там же, с. 171, пер. мой – И.М.

³⁵ Там же, с. 192.

³⁶ Там же, с. 191.

³⁷ Там же, с. 192.

³⁸ Там же, с. 192, 193.

³⁹ Там же, с. 201.

стихи, а в одном из них от 22 октября 1949 г. отрывок письма написан по-русски⁴⁰, но латиницей. В нем советы: „Istoricheski roman Ty dolžen napisat’, wot czto. Naprimier Kak my pobedili pod Grunwaldom”⁴¹. В начале письма строки с ошибкой: «F Tiebia ja sowietuju, dorogoj Jarosław, nie toropis””. Стоит сказать, что Милош намеревался тогда писать мемуары, и в написанном по-русски письме Ивашкевичу он вспоминает о своем генеалогическом древе, гербе Милошей Любич (отмежевывается от сербских пастухов Милошей), дяде Кунате, служившем у Казимира Великого⁴².

В комментариях к письмам и в предисловии Милош заявляет, что важнейшей является его переписка с Иреной и Тадеушем Юлиушем Кроньскими, проживавшими тогда в Париже. Об их антисоветизме Милош напоминает в предисловии к своей книге⁴³. Стоит сказать, что Кроньски был философом, вышедшим из школы таких знаменитостей, как Тадеуш Катарбиньски и Владыслав Татаркевич. В переписке появляются слова и определения, понятные лишь адресату, например «коткове» – это коммунисты (от имени Яна Котта), «фашисты» – это польская эмиграция и армия ген. В. Андерса, «смаркач» (сопьяк, юнец) – это сам Милош, иногда называемый Мальцем⁴⁴. В этой переписке прослеживаются изменения в политических взглядах корреспондентов с уклоном к марксизму. Милош пишет, что Кроньски хвалил художественную сторону его *Нравственного трактата* так, как Маркс в свое время восхвалял реакционного Оноре де Бальзака⁴⁵. Милош не мог смириться с тем, что Кроньски доверял французской коммунистической печати, в которой было написано, что Лысенко справедливо осуждал генетиков, считая их реакционерами, хвалил также самокритику Андрея Жданова. Однако наибольший протест Милоша вызвал факт, что Кроньски, кроме прочего, начал восхищаться Сталиным, считая его преемником Гераклита и Гегеля в философии⁴⁶. В одном из писем от 9 апреля 1947 года Милош упрекает своего друга-философа в незнании России, являющейся, по его словам, фундаментом романтизма, так как ничего, кроме него, в своей истории не знала⁴⁷. Отметим, что сам Милош считал романтизм «заразой», называя Ю. Пшибося «ослом» и «мерзким романтиком», М. Яструна – «бесстыдным романтиком», не говоря уже о «чудовищном клоуне» Ю. Тувиме⁴⁸. В качестве негативного примера в русской поэзии Милош называет Ю. Лободовского⁴⁹. В Америке, как пишет Милош, происходит серьезная борьба с романтизмом. В продолжение этой темы в письме от 21.09.1947 года Кроньски отвечает, что романтизму он противопоставляет формализм и историзм. Что касается политики, то Кроньски считал себя оптимистом в отношении будущего восточной Европы при уста-

⁴⁰ Там же, с. 219.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, с. 7.

⁴⁴ Там же, с. 231.

⁴⁵ Там же, с. 236.

⁴⁶ Там же, с. 238-239.

⁴⁷ Там же, с. 277, 278.

⁴⁸ Там же, с. 277.

⁴⁹ Там же, с. 278.

новлении в ней сталинского коммунизма. Он не видел угрозы в том, что Россия «проглотит» Польшу, у которой хорошее будущее будет при условии восприятия марксизма⁵⁰. Польша, по словам Кроньского, должна пройти этап антикатолицизма и антитроцкизма. Россию Кроньски не знал и в российский романтизм он не верил. Философ Кроньски в «советском империализме» (его выражение) видел возвращение к византийской традиции⁵¹. В переписке с Кроньским ярко выражена позиция этого философа, читающего и знающего учение Лысенко и Мищурина, ненавидящего евреев, Путрамента (в переписке Путрамент – Атрамент) и польских левых, а также польский католицизм и правое крыло польской интеллигенции⁵².

Интерес может вызвать и переписка с Ежи Путраментом, с которым Милош был знаком еще с молодости, с общего их участия в виленской группировке «Жагары». Милош объясняет в предисловии к их переписке, что Путрамент раньше, чем марксистом, стал дарвинистом, а это обозначало утрату религиозной веры и принятие научного мировоззрения⁵³. Милош пишет о Путраменте и его отношении к Советской России: «Он (Путрамент – И.М.) был верен Москве, не сомневался в ее могуществе и в завершившейся роли Польши как независимого государства»⁵⁴. Мать Путрамента, о чем не забывает написать Милош, была русской по происхождению и православной по вере. Путрамент пугал Москвой и оппозиционеров называл детьми, играющими спичками⁵⁵.

Путрамент, как вытекает из оценок этой личности Милошем, был человеком искренним, ненавидел либерализм и демократию. Однако, как считает Милош, их письма были частью игры давних друзей-вильнян (от Вильна, не Вильнюса), осознающих свои политические перемены – один стал мышью, второй – котом⁵⁶. Интересно утверждение Милоша о том, что лучше было бы, если бы Путрамента в его биографии не было. Посол Народной Польши в Швейцарии (1945-1947), затем во Франции, в Париже (1947-1950) и генеральный секретарь Союза польских литераторов (с 1950 года), Путрамент высоко оценивал поэзию Милоша, считая его выдающимся польским творцом⁵⁷. Однако в анализируемой переписке чувствуется отсутствие искренности и чистосердечности, явно присутствовавших в переписке с Кроньскими. Сам Милош заявляет, что его письма Путраменту носили, скорее всего, «дипломатический» характер, а в письмах Путрамента тоже не было излишних откровений. Откровенным признанием Путрамента, как считает Милош, было мнение автора *Сентября* о том, что человеческая масса править не в состоянии, и свобода слова или демократические выборы – это вручение меча безумцу⁵⁸. В переписке с Путраментом проглядывает отсутствие близости, чувства – Путрамент обращается к своему другу словами его имени

⁵⁰ Там же, с. 290.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, с. 311 и др.

⁵³ Там же, с. 346.

⁵⁴ Там же, с. 347, пер. мой – И.М.

⁵⁵ Там же, с. 348.

⁵⁶ Там же, с. 350.

⁵⁷ Там же, с. 348.

⁵⁸ Там же, с. 349.

– Чеслав или иногда только «дорогой Чеслав», подписывается, однако, своим именем и фамилией. На основании всего лишь 4 писем Путрамента к Милошу с 15.05.1946 по 14.08.1950 нельзя однозначно высказываться об отношениях этих художников и дипломатов в тот период. Можно согласиться с Милошем, определявшим эту переписку и их взаимные контакты как сложные. Однако Путрамент высоко оценивал Милоша и его поэзию, считая ее совершенством. Интерес вызывают слова Путрамента в его письме из Берно 15.05.1946 года: «Как сказал Сталин – Пшибосе приходят и уходят, а польская поэзия (Милош) остается»⁵⁹. Считая марксизм своим хобби, Путрамент относился к свободе как к опровержению человечества, свобода – это не ценность, отнюдь не счастье и благополучие, а лишь звериный инстинкт, и поэтому «бытие предшествует сознанию»⁶⁰.

Интересна переписка Милоша с Рышардом Матушевским, автором многих учебников по истории польской литературы, например: *Literatura polska 1918-1939* или *Literatura polska 1918-1955, Polska literatura współczesna*. Кстати, автор очерков о польской эмиграции Мария Данилевич-Зелиньска пишет о несправедливости оценок Матушевским многих польских художников слова, а также о замалчивании им литературы, издаваемой в эмиграции⁶¹. Характер переписки с Матушевским Милош из-за цензуры определяет словом «скука». В ней не могло быть речи о советской тоталитарной системе и лагерях, но были слова о марксистской «Кузнице» и переводах «писателей подозреваемых», как определяет их Милош, – А. Ахматовой и О. Мандельштама, а также о Пастернаке⁶². Милош считает, что польская литературная пресса и книги давали широкие знания восточным соседям в Вильне, Ковне, Риге, Москве, Петербурге и Киеве, и поэтому многие интеллектуалы из названных городов изучали польский язык⁶³. Следует отметить, что письма Милоша Матушевскому написаны в более свободном тоне, в них много соображений о роли поэзии и литературы, о настоящем писательском ремесле, имеющем универсальный характер⁶⁴. О писательском семинаре в Неборове, на котором молодые писатели постулировали принцип партийности польской литературы, Милош пишет: «... судя по прессе, на нем было много духоты»⁶⁵. В ответ Матушевски оправдывается, что в Неборове не было «духоты», но был хаос, а о марксизме там не спорили (Милош писал, что нельзя сравнивать коммуниста П. Неруду с коммунистом Максимом Рыльским, переводчиком *Пана Тадеуша*)⁶⁶. В их переписке главная роль отводится поэзии, изданиям и издательствам, переводам, статьям и заметкам о творчестве Милоша в Польше. Возвращается тема марксизма. Милош в письме от 14.01.1949 пишет о богоискательстве и повторяющемся процессе борьбы с ним марксистов. Видны его литературные симпатии и антипатии. Среди последних постоянно появляется в письмах Милоша имя Юлиана Тувима, который „bardzo rosyjski” (очень рус-

⁵⁹ Там же, с. 354.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ М. Danielewicz-Zielińska, *Szkice o literaturze emigracyjnej*, Wrocław 1992, с. 20.

⁶² Там же, с. 369.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, с. 387.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же, с. 387, 391.

ский – И.М.), но „maksymalnie oddalony od Puszkina, który (fenomen wśród Rosjan) miał kulturę i dyscyplinę klasyczną”⁶⁷. Эти соображения Милоша вызваны были рецензией Матушевского на *Kwiaty polskie* Ю. Тувима⁶⁸.

Милош переписывался еще с одним представителем марксистской «Кузницы». Павел Херц стал для него связующим звеном, объединяющим его с доверенной литературной Варшавой. В письме от 19.02.1948 Милош пишет о своих произведениях, о роли «Кузницы», о новой поэме Т.С. Элиота *Бесплодная земля* и о мнении А. Фадеева, считавшего, что в этом произведении проявляется отчаяние, распад и ожидание войны⁶⁹. Напомним, что сам Херц, происходя из зажиточной семьи, принадлежал, однако, к кругу писателей, связанных с Ивашкевичем, но с пренебрежением оценивал левых и коммунистов литературной сферы. В результате был арестован, осужден и отправлен в ссылку⁷⁰. В анализируемой переписке представлены всего лишь 4 письма Херцу. Милош в них всегда обращается к своему другу-литератору, автору книги о Ю. Словацком, «Мой дорогой Павел», а завершает написанное «обнимаю тебя».

В переписке в Тадеушем Брезой (автор повестей *Spizowa brama*, *Urząd i Mury Jerycha*) появляется мнение Милоша о том, что у интеллигентного литератора нет сложностей, чтобы вписаться в новый режим и, несмотря на все, сохранить признаки независимости⁷¹. Шесть писем, направленных Милошу Т. Брезой, – это рассуждения о книгах С. Дыгата, С. Отвиновского, Е. Брошкевича, Е. Анжеевского, С. Шмаглевской, А. Фидлера, Я. Ивашкевича, Е. Путрамента, об издательствах „Ведза”, „Чытельник”, „Офицына польска”. В тот же период конца сороковых годов издавались еще в Польше многие произведения Милоша, и эта тема прослеживается во всей переписке, собранной в книге Ч. Милоша *Сразу после войны*.

В анализируемой переписке находится одно письмо Кароля Курьлюка, без которого, как считает Милош, книга была бы не полной. Напомним, что Курьлюк был главным редактором „Возрождения” в 1945-1948 гг., а раньше вместе с Т. Холлендрем руководил львовским журналом „Сигналы”. Позже, в 50-е годы, был министром культуры и послом в Вене⁷². Однако Милош пишет о Курьлюке в связи с частью книги С. Винценца *Львовские диалоги*, к изданию которой Курьлюк имел прямое отношение.

Интересна переписка Милоша с Т. Ружевишем. Нобелевский лауреат после прочтения сборника стихов Ружевиша *Беспокойство* (1947) осознал, что появился выдающийся польский поэт, и ответил ему стихом *Тадеушу Ружевишу* (1948). Оба встретились летом 1949 года. Милош вспоминает о своем письме, направленном Ружевишу в конце 1949 г., предостерегающем его перед угрозой и опасностью соцреализма⁷³. Однако письмо не было отправлено. Переписка Ружевиш – Милош – это пример конкретных и безупречных отношений между поэтами

⁶⁷ Там же, с. 444.

⁶⁸ См.: J. Tuwim, *Kwiaty polskie*, rec. R. Matuszewski, *Próba epiki*, „Kuźnica” 1949, nr 12.

⁶⁹ С. Miłosz, *Zaraz po wojnie...*, с. 454.

⁷⁰ Там же, с. 449.

⁷¹ Там же, с. 467.

⁷² Там же, с. 496.

⁷³ Там же, с. 503.

старшего и младшего поколения. Два письма Милоша, одно – Ружевича – это разговор о стихах, роли поэзии, критики и перевода. Присланные Ружевичем стихи Милош оценивает высоко, называя их автора «единственным поэтом», но предостерегает: «опасайтесь сентиментализма»⁷⁴. Заслуживает внимания концовка письма Милоша Ружевичу: «Разговор с Вами в Кракове был для меня одним из лучших переживаний в стране»⁷⁵.

Завершается книга переписки Милоша с писателями письмом упоминаемого нами Юзефа Чапского. В своем комментарии Милош описывает свое знакомство с Чапским и его семьей, особенно с сестрой Юзефа Марыней Чапской, с которой он встречался во время гитлеровской оккупации, когда ее брат находился в советском плену и, чудом уцелевший, проводил поиски своих друзей, не зная, что они расстреляны в Катыни⁷⁶. Милош, как вытекает из письма Чапского, встретился с автором книги *На бесчеловечной земле*. Автор *Порабощенного разума*, о чем свидетельствует письмо Чапского, был за существование Народной Польши, ибо, как он считал, с другой стороны (западной) была совершенная пустота⁷⁷. Кстати, это письмо можно понять в сравнении с анализируемыми письмами философа Кроньского, влюбленного в Гегеля и его концепцию действительности. Милош признается в своем непонимании происходящего в те годы и пишет: „Jerzy Giedroyc miał dobre wyczucie. Prawdopodobnie śledząc postęp stalinizacji w Polsce, doszedł do wniosku, że wkrótce spadnę z konia, na którym karkołomnie siedziałem”⁷⁸. Как известно, Милош в 1950 году возвращается в Европу и становится первым секретарем посольства Народной Польши в Париже, а 1.02.1951 г. обращается с просьбой о предоставлении ему убежища, обосновывая это решение в статье *Нет* на страницах „Культуры” Ежи Гедройца⁷⁹.

Многое Милошу пришлось и прощается до сих пор. Его эмиграция в 1951 году вызвала споры⁸⁰. Были среди польских эмигрантов во Франции и такие (например, Незбжыцки, псевдоним Врач), которые считали Милоша советским агентом⁸¹. Не могли простить Милошу слов о коммунизме, прозвучавших в *Необъятной земле*, в которой лауреат Нобелевской премии пишет о шансе, который получила польская литература благодаря установлению этой системы⁸². К. Маслонь ссылается в своем исследовании на слова Збигнева Херберта, который помнил слова Милоша о необходимости присоединения Польши к СССР⁸³. Критиками подчеркнута внутренняя раздвоенность Милоша как в политическом, так и в религиозном отношениях. Не входя, однако, в подробности, связанные с отношением Милоша к польскому государству межвоенного и послевоенного перио-

⁷⁴ Там же, с. 507.

⁷⁵ Там же, с. 508.

⁷⁶ Там же, с. 512.

⁷⁷ Там же, с. 516.

⁷⁸ Там же, с. 514.

⁷⁹ См.: *Mały słownik pisarzy polskich na obczyźnie 1939-1980*, red. B. Klimaszewski, Warszawa 1992, с. 230.

⁸⁰ См.: К. Masłoń, *Nie uciec nam...*

⁸¹ Там же.

⁸² См.: С. Miłosz, *Nieobjęta ziemia*, Kraków 1988.

⁸³ К. Masłoń, *Nie uciec nam...*

да, стоит отметить, что некоторые высказывания Милоша о Польше, как и о России и Сталине, ему не простились⁸⁴. Например, его оценка тоталитарного советского режима и высказывания о том, что «...Польша могла существовать или в виде (форме), гарантированной ей Советским Союзом, или вообще перестать существовать»⁸⁵. Но в 1951 году, порывая с Польшей, Милош объяснял: „W ciągu pięciu lat służyłem lojalnie mojej ludowej ojczyźnie... cieszyłem się, iż pół-feudalna struktura Polski została złamana, że robotniczo-chłopska młodzież zapelnia uniwersytety, a Polska zmienia się z kraju rolniczego w kraj przemysłowo-rolniczy... Miałem więc powody, aby trzymać się nowej Polski, zmierzającej ku socjalizmowi”⁸⁶. Е. Гедройць в упоминавшейся *Автобиографии* пишет о том, что существовали между ним и Милошем разногласия в оценке СССР и сталинизма⁸⁷. В этой связи интерес представляет книга Б. Урбанковского *Красная месса, или Улыбка Сталина*, в которой варшавский исследователь показывает беспрецедентную операцию массовой «перековки душ», подмены национальных ценностей и прежде всего позорную роль польских литераторов, уничтожающих свою традиционную культуру, чтобы на ее место укоренилась чуждая советская история, быт, ценности⁸⁸. Урбанковски приходит к выводу, что у некоторых польских литераторов кровь на руках, но не от совершенного преступления, а от усердного пожатия рук убийц. Однако Урбанковски Милоша и авторов переписки *Сразу после войны* среди них не называет. Наоборот, свое исследование он начинает отрывком из Поэтического трактата Милоша 1939 года: „I znowu tupot nóg żołdackich, i grzmiących sotni gwiazd kozackich, gwiazdzisty nad Europą but, i mrowi się ludami wschód”⁸⁹. Затем исследователь констатирует: „Tupot żołdackich nóg będzie już odtąd przez lat wiele towarzyszył poezji, wyznaczając jej rytm”⁹⁰.

В свете вышесказанного стоит отметить ценность переписки, составившей книгу Милоша *Сразу после войны*, так как она является документом минувшей эпохи и свидетельством самоосознания художников слова перед лицом конфронтации с новым общественно-политическим строем, который, как считали многие, вывел Польшу из периферийного состояния (Милош, Кроньски, Анджеевски, Путрамент, Ивашкевич, Галчиньски). Однако переписка ценна и тем, что в ней витает дух диалога, дискуссии, разговора, а не ярко выраженных ненавистных или злостных односторонних мнений. Можно согласиться с мнением редактора журнала „Знак” Лукаша Тишнера в том, что гений Милоша сравним с гением Адама Мицкевича, что Милош – это писатель, который показывает сложную и иногда невыгодную истину: что вере сопутствует иногда сомнение, что любовь к Литве не противопоставлена польскому патриотизму, что польский католик не должен быть «поляком-католиком»⁹¹.

2011 год в связи с сотой годовщиной со дня рождения Нобелевского лауреата

⁸⁴ См.: J. Trznadel, *Czesław Miłosz – lewy profil*, [http://www.jacektrznadel.pl/index]

⁸⁵ С. Miłosz, *Rok myśliwego*, Paryż 1989, с. 144, 143, пер. мой – И.М.

⁸⁶ С. Miłosz, *Nie!*, „Kultura” 1951(5).

⁸⁷ J. Giedroyc, *Autobiografia na cztery...*, с. 162.

⁸⁸ В. Urbankowski, *Czerwona msza czyli Uśmiech Stalina*, Warszawa 1995.

⁸⁹ Цит. за: В. Urbankowski, *Zamiast wstępu*, [В]: В. Urbankowski, там же, с. 9.

⁹⁰ Там же, с. 10.

⁹¹ См.: Ł. Tischner, *Wspomnienie o Czesławie Miłoszu*, на сайте <http://www.milosz.pl>

Чеслава Милоша объявлен годом этого поэта, писателя, очеркиста и переводчика. И хотя 22 августа 2004 года другой Нобелевский лауреат Вислава Шымборска на страницах газеты „Тыгодник Повшехны” писала, что «для нас окончилась привилегия общения с Ним. Свет погас (пер. мой – И.М.)», Милош своим многогранным творчеством приглашает в будущее. Т. Венцлова, друг и ценитель его творчества, писал в свое время о том, что Милош убедительно повествовал о Веке Разума, Веке воодушевления и Веке прогресса, мы же живем в веке отчаяния, но существуют до сих пор произведения Милоша, предвещающие новую эпоху – век надежды в безнадежье⁹², и с этими словами Венцловы стоит согласиться.

Summary

Russia and literature in the book by Czesław Miłosz, *Immediately After the War*

In the book by a Nobel laureate Czesław Miłosz, *Immediately After the War*, borrowed from Jerzy Andrzejewski, Russian plots are examined in the Nobel Prize winner’s correspondence with leading figures of postwar Poland – writers, poets, philosophers – J. Andrzejewski, J. Putrament, K.I. Gałczyński, J. Iwaszkiewicz, a married couple I. and J. Kroński, R. Matuszewski, P. Hertz, T. Breza and T. Różewicz. The article highlights the ambiguous attitude of the Polish emigration to Czesław Miłosz. Miłosz correspondence is a valuable document of the past epoch, as well as the evidence of writers’ attitudes towards confrontation with the new socio-political system, which as some of them believed (Miłosz, Kroński, Putrament, Iwaszkiewicz and others), led Poland out of backwater. Tomas Venclowa, doctor Honoris Causa at the Nicolaus Copernicus University in Toruń, a friend of Miłosz, believes that the work of this Nobel Prize winner in our age of despair is to signal a new era – the hope in hopelessness – and, as it is stressed in this work, these words should be applauded.

Key words: *epistolary genre, commentary, author’s viewpoint*

---

⁹² K. Masłoń, *Nie uciec nam...*